

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94(47).06

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-593-602

О состоянии грамотности в Калмыцком ханстве в XVIII в.

Максим Манчиевич Батмаев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-2233-0647. E-mail: nel_max73[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Батмаев М. М., 2023

Аннотация. *Введение.* Не будет преувеличением сказать, что до сих пор сохраняется мнение, по крайней мере, в широких массах, что в дореволюционные времена грамотность была слабо развита у калмыков. Считалось, что грамотными были представители духовенства и знатных сословий — нойонов и зайсангов. Наибольший процент грамотных приходился на духовенство, что было обусловлено родом их деятельности. Тем не менее существовало мнение, что и среди них основная масса погрязла в пьянстве и в обмане невежественных народных масс. *Целью* предлагаемой работы является, по мере возможности, ответить на некоторые названные выше вопросы, хотя изучение и освещение содержания проблемы в целом — дело не одной статьи. *Материалы и методы.* Для решения указанных задач привлечен в основном впервые вводимый в научный оборот архивный материал. Для решения поставленной цели необходимо подойти к разрешению тех или иных возникающих задач, отрешившись от недавней привычки подходить к анализу разнообразной исторической панорамы с единственной заранее регламентирующей теоретической установкой. В исследовании применялись описательный, историко-сравнительный, историко-генетический и аналитический методы. *Результаты.* В калмыцком обществе в первую очередь грамотными были представители нойоно-зайсангской среды. Нойоны были практически все грамотными, в том числе и их жены. У зайсангов процент грамотных был достаточно высоким; среди грамотных были и женщины, но численность их была небольшой. О простолюдинах никаких конкретных данных не имеется, но можно считать, что количество грамотных среди них было небольшим. В XVIII в. обучение грамоте в целом в Калмыцком ханстве шло в двух направлениях. Представители калмыков обучались русскому языку, а русские — калмыцкому. Обучение это шло по инициативе российского правительства (нужны были переводчики, толмачи и т. п.) и стихийно, в процессе бытового общения между представителями соседних народов.

Ключевые слова: калмыцкая письменность, азбука, книги, обучение, аймачные школы, индивидуальное обучение, не-калмыки, знающие калмыцкую письменность

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Батмаев М. М. О состоянии грамотности в Калмыцком ханстве в XVIII в. // Монголоведение. Т. 15. № 4. С. 593–602. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-593-602

On the State of Literacy in the Kalmyk Khanate of the XVIII century

*Maksim M. Batmaev*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-2233-0647. E-mail: nel_max73[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Batmaev M. M., 2023

Abstract. It would not be an exaggeration to say that there is still an opinion, at least among the masses, that in pre-revolutionary times literacy was poorly developed among the Kalmyks. It was believed that representatives of the clergy and noble classes — Noyons and Zaisangs — were literate. The clergy accounted for the largest percentage of literates, which was due to their type of activity. Nevertheless, there was an opinion that even among them the bulk was mired in drunkenness and deception of the ignorant masses of the people. The *purpose* of the proposed work is, as far as possible, to answer some of the above questions, although the study and coverage of the content of the problem as a whole is not a matter of one article. *Materials and methods.* To solve these problems, archival material, which is being introduced into scientific circulation for the first time, is mainly involved. To achieve this goal, it is necessary to approach the resolution of certain emerging problems, abandoning the recent habit of approaching the analysis of a diverse historical panorama with a single pre-regulating theoretical attitude. Descriptive, historical-comparative, historical-genetic and analytical methods were used in the study. *Results.* In Kalmyk society, representatives of the Noyono-Zaisang environment were primarily literate. The Noyons were almost all literate, including their wives. The Zaisangs had a fairly high literacy rate; there were also women among the literate, but their number was small. There are no specific data on commoners, but it can be assumed that the number of literate among them was small. In the XVIII century, literacy education in general in the Kalmyk Khanate went in two directions. Russian was taught to the representatives of the Kalmyks, and the Russians — Kalmyk. This training was initiated by the Russian government (translators, interpreters, etc. were needed) and spontaneously, in the process of everyday communication between representatives of neighboring peoples.

Keywords: kalmyk writing, education, aimag schools, individual training, non-kalmyks who know kalmyk writing.

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Batmaev M. M. On the State of Literacy in the Kalmyk Khanate of the XVIII century. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(4): 593–602. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-593-602

1. Введение

В 1834 г. была опубликована работа Н. А. Нефедьева «Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте» [Нефедьев 1834]. В 1832 и 1833 гг. он побывал в командировке в улусах, где и наблюдал повседневную жизнь калмыков. На основе этих наблюдений автор пришел к выводу: «Не взирая на то, что природа одарила калмыков остроумием, понятливостью и другими качествами, во многом возвышающими их пред прочими кочующими племенами, и что отдаленные предки их оставили им письма — народ сей как будто наперекор врожденным способностям, пребывает в глубоком невежестве» [Нефедьев 1834: 211]. Последующие дореволюционные авторы также упирали на «невежество» калмыков. Справедливости ради надо отметить, что некоторые из них не забывали отметить особые условия кочевой жизни и равнодушие правительства (например, Я. П. Дуброва [Дуброва 1998: 12, 13]).

Между тем история развития грамотности среди калмыков в прошлом, в дореволюционное время, в том числе в XVIII в., изучена слабо. Ведь помимо констатации существования грамотных в нойонско-зайсангской среде нужно ответить на вопросы о причинах распространения грамотности, о том, существовала ли она среди простолюдинов и в какой мере, были ли какие-то учебные заведения типа школ, какое значение имела грамотность для упорядочения общественных и бытовых отношений калмыков с соседним российским населением.

Не будет преувеличением сказать, что до сих пор сохраняется мнение, по крайней мере, в широких массах, что в дореволюционные времена грамотность была слабо развита у калмыков. Считалось, что грамотными были представители духовенства и знатных сословий — нойонов и зайсангов. Наибольший процент грамотных приходился на духовенство, что было обусловлено родом их деятельности. Тем не менее существовало мнение, что и среди них основная масса погрязла в пьянстве и в обмане невежественных народных масс. Так ли это было на самом деле? Не пора ли изменить угол зрения? Целью предлагаемой работы является, по мере возможности, ответить на некоторые названные выше вопросы, хотя изучение и освещение содержания проблемы в целом — дело не одной статьи.

2. Материалы и методы исследования

Для решения указанных задач привлечен в основном впервые вводимый в научный оборот архивный материал из Национального архива Республики Калмыкия (далее — НА РК), Российского архива древних актов (далее — РГАДА), Архива внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Для решения поставленной цели необходимо подойти к разрешению тех или иных возникающих задач, отрешившись от недавней привычки подходить к анализу разнообразной исторической панорамы с единственной заранее регламентирующей теоретической установкой. В исследовании применялись описательный, историко-сравнительный, историко-генетический и аналитический методы.

3. Сведения об обучении грамоте калмыков и изучении калмыцкого языка соседним населением в источниках

Одно из первых, если не первое, свидетельство о существовании у калмыков упорядоченного обучения детей принадлежит И. Г. Георги, участнику

второй академической экспедиции по изучению окраинных территорий России (1768–1774 гг.). Вот что отметил ученый в своем «Описании всех обитающих в российском государстве народов»: «Каждый аймак содержит одного учителя (бакша), который обучает детей читать, писать, арифметике, истории, географии, астрономии, астрологии, медицине и богословию столько, сколько сии науки могут быть у них преподаваемы. Самые убогие дети имеют иногда такие знания, которые с состоянием их отнюдь не свойственны» [Георги 1799: 10].

Факт обучения калмыцких детей грамоте в XVIII в. подтверждается и другим свидетельством, в котором говорится, что у калмыков в рассматриваемое время были «деревянные книжки», в которых «написана» их «калмыцкая азбука», по которой учат детей [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 31. Л. 44]. Несомненно, в архивном документе говорится о ксилографических досках, с которых печатались книги, в том числе ксилографе, содержащем *цаһан толһа* — букварь на старокалмыцкой (ойратской) письменности, составленный в XVII в. просветителем Зая-пандитой Намкай Джамцо [Баянова 2012: 50].

Необходимо отметить, что книг было, видимо, немало, о чем говорят свидетельства архивных документов. Данные архивных материалов также дают основание утверждать, что значение книг было весомым и они ценились наравне с объектами культового поклонения — «бурханами» (литыми изображениями буддийских божеств). Так, наместник Дондук-Даши весной 1735 г. прислал письма на имя императрицы Анны Ивановны. Их у посланца Шарап Ендона «партикулярно» (т. е. в частном порядке) взял секретарь В. М. Бакунин для прочтения 20 мая 1735 г. В одном письме Дондук-Даши жаловался на грабежи донских казаков. В другом отмечалось, что казаки Чирского городка взяли «пять коробей с книгами и „бурханами“» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 11. Л. 126об.]. Царицынский комендант П. Ф. Кольцов сообщал 27 июня 1738 г. тогдашнему астраханскому губернатору В. Н. Татищеву, что получил 25 июня письмо от хана Дондук-Омбо, в котором последний сообщал, что в текущем году казахи грабежом взяли «1 500 бурханов, 1 300 книг больших, 5 200 книг малых» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 723]. Наконец, о том, что книги ценились наравне с бурханами, говорят факты, что во время междоусобиц враждующие старались захватить именно эти предметы. Так, например, из донесения генерала И. Ф. Барятинского в Коллегию иностранных дел от 2 июня 1733 г. явствует, что нойоны Доржи Назаров и Лубжа «у Шакур ламиных шабинеров побрали „бурханы“, книги, скарб, скот и служителей их и не отдали» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 61. Л. 141].

Кроме «деревянных», были также «каменные книги». В одной тогдашней описи вещей перечисляются: «Книга деревянная, по салу посыпана пеплом, каковы калмыки имеют для записок, две книжки малые каменные» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 63. Л. 24–24об.]. Из одного допроса явствует: «В книжках деревянных и каменных по тангуцки [т. е. по-тибетски. — М. Б.] выписаны для всегдашняго чтения молитвы их калмыцкие из больших молитвенных же книг (которые у них в Царицыне отобраны), чтобы тех [т. е. больших. — М. Б.] завсегда не волочить» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 63. Л. 41об.].

В архивных материалах не встретились свидетельства, что каждый аймак имел специального учителя, который и учил детей грамоте. Обучение, судя по

всему, шло чаще всего в индивидуальном порядке, иногда даже вынужденно (попал в плен и т. п.). Вот перед нами показание не то беглого, не то пленного Алексея Семенова сына: «обращался по всему в их суевеи, и выучась немного по калмыцки грамоте, имелся манжиком». Другой, Ф. Зверев, жил в улусе шабинеровском (бывшего Шакур-ламы) лет с шести и женился на калмычке, имел двоих детей и жил своей кибиткой [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 319. Л. 800].

Саратовский уроженец, русский Аврам Иванов, был захвачен десятилетним во время игры на льду на Волге калмыками и привезен в их кочевье против Черного Яра в урочище Богдо, где и достался Цонжи-Норбо гелюнг из улуса наместника Убаши. Цонжи-Норбо обучил А. Иванова калмыцкой грамоте и назначил манжиком, «в каковой должности и службу по их закону производил» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 413. Л. 9].

Крещеные калмыки записывались в казаки (те, что оставались при Астрахани, а не отправлялись в Ставрополь-на-Волге) и получали жалование. На одного из таковых пало подозрение, что он ради получения жалования крестится вторично. За него заступился уже крещеный брат: «А вышеписанной Санжи Джамчоев ему, Арате, подлинно брат родной, которой... не крещен, ибо он еще бывшим их отцом отдан в малых летех для учения грамоте их калмыцкому попу, у которого и был... безотлучно до сего времени» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 228. Л. 322]. В 1759 г. Н. Г. Спицына просил приближенный к хану Дондук-Даши «знатной ево Чюрюм гелюнг», у которого обучались присланные из Государственной Коллегии иностранных дел и от Астраханской губернской канцелярии калмыцкого языка ученики, «о дозволении скоту ево Чюрюм гелюнову, коего числом лошадей з двести да пятнатцеть верблюдов» быть на Поповицком острове ниже города Царицына. Судя по количеству скота, гелюнг был человеком небедным: бедных, очевидно, учителями не ставили [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 321. Л. 288].

В одном из архивных дел сохранился документ, в котором пишет некий Василий Перфилов, казак из Черкасска, что занимался торговыми делами и задолжал казакам 200 рублей; бежал от кредиторов в калмыцкие улусы, где Дондук-Омбо женил его на калмычке и дал для развода скот. Казак из Черкасска пожелал провести крещение своей супруги, а также просил определить место для проживания. К моменту написания просьбы был толмачом у Дондук-Омбо и умел читать и писать по-русски и по-калмыцки [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 45. Л. 97]. В свою очередь сам Дондук-Омбо прислал с посланием Абуджи трех человек: одного для обучения «делания часов», а двух для обучения российской грамоте, на что получил разрешение [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 75. Л. 271].

Приведенный архивный материал показывает, что в XVIII в. в Калмыцком ханстве обучение грамоте шло в двух направлениях: представители русских осваивали калмыцкий язык, а калмыки — русский, причем нужно отметить, что взаимное освоение названных языков также имело две основы: официальную и житейскую. Официальную правительство развивало для политико-управленческих нужд, а вторая развивалась естественным путем, в процессе житейского общения. Обратимся к документам.

В 1731 г. ученики калмыцкого языка Алексей Сумин и Гаврила Колышкин находились при Шакур-ламе и кочевали вместе с ним [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 43. Л. 10]. В это же примерно время Г. И. Головкин сообщает наместнику

Церен-Дондуку: «А из робят калмыков, присланных от вас еще никоторой по российски твердо не научен и послать их к вам бес пользы будет» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 45. Л. 105].

В 1737 г. царицынский комендант П. Ф. Кольцов писал «почтенной госпоже» Дабо Ончук, что он отправил к ней изучающих калмыцкий язык учеников братьев Савву и Кирила Везелевых «для обучения калмыцкого письма и разговоров, которым извольте приказать в улусе своем жить и учиться у Ончик гелюна, також и от себя ему гелюну особливо прикажите их обучать». Ончик гелюн жил в улусе дербетского Лабан-Дондука [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 94. Л. 286об.–287, 295].

В 1764 г. руководивший Калмыцкими делами А. П. Бехтеев писал дербетским зайсангам, что посылается для обучения калмыцкому языку и письму Г. Колышкин, «котораго отдать вам хорошему из духовных людей учителю и велеть оному прилежно его обучать и иметь за ним смотрение, чтоб он праздно без науки не мог» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 356. Л. 157].

Г. Колышкин ожиданий не оправдал. 8 марта 1742 г. В. Н. Татищев писал П. Ф. Кольцову: «Находящийся здесь при комиссии калмыцкаго языка переводчик Колышкин явился в переводе писем неисправен, отчего произошли сумнительства, к тому ж являются некоторые за ним противные поступки». Губернатор предписал заменить Г. Колышкина учеником калмыцкого языка Саввой Везелевым [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 146. Л. 58–58об.]. Однако позже он службу продолжал.

С калмыцкой стороны малолетний сын Замьяна Бокбин определен губернатором «для обучения российской грамоте и поведением калмыцкого языка переводчику А. Воронину, у коего в доме он и живет» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 384. Л. 13].

В 1773 г. Тюмень Джиргалан, по собственному желанию находившийся в Астрахани для обучения русскому языку и письму, просил отпустить его по семейным обстоятельствам в его улус для правления им. В связи с этим он также просил «для бытия при нем и обучения русскому языку и письму определить кого-нибудь из учеников калмыцкого языка», что и было разрешено [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 652].

В целом необходимо отметить, что не совсем ясны формы обучения как калмыцкой, так и русской грамоте. Одно можно сказать твердо: имеющийся документальный материал позволяет сделать вывод о преимущественно индивидуальной форме обучения. Никаких свидетельств о групповом обучении грамоте нет, не встретились нам известия о существовании в XVIII в. учебных учреждений типа школ.

Вместе с тем обучение грамоте должностных лиц русской администрации, связанных работой с калмыками, было поставлено под контроль правительства и местной администрации. В сентябре 1742 г. наместник Дондук-Даши был вызван в Москву, где представлялся императрице Елизавете Петровне и получал указания высших управителей государственных дел. При отъезде наместника от двора с ним был отправлен поручик Петр Гак. Он был из команды тогдашнего руководителя Калмыцких дел Л. В. Боборыкина, обучался калмыцкому языку и письму, «чтоб со временем можно было употребить его в правление тамошних дел». Дондук-Даши просил ему чин капитана, но ему дали 50 рублей и обна-

дежили, что как только он обучится калмыцкому языку, его повысят в чине, о чем был предупрежден и наместник [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 150. Л. 108, 138].

Что касается орудий письма, использовавшихся калмыками, то о них довольно подробно рассказал Н. А. Нефедьев. Правда, его описание относится к первой трети XIX в., но, думается, что они не так уж сильно отличаются от таковых в XVIII в. Н. А. Нефедьев констатирует, что в его время калмыки хотя и употребляют для письма птичьи перья, «но настоящее их правило — писать тонким камышом». Далее он сообщает, что при обучении грамоте вместо аспидных (грифельных) досок им служат доски деревянные, которые называются «самра»¹ [Нефедьев 1834: 215]. Далее Н. А. Нефедьев описывает подготовку и использование доски при написании того или иного текста.

«Намазав такую доску один или два раза в год салом и сажею, и потом осыпая слегка золою, калмыки пишут на оной палочкою, костию или иглою дикобраза. Написанное уничтожается от одного дуновения, и доска, посыпанная вновь золою, готова для нового употребления» [Нефедьев 1834: 215].

Что касается упоминания «деревянных» и «каменных» «книжек», то в XVIII в. в официальной и частной переписке пользовались бумагой. Упоминаемые в архивных материалах «деревянные книги» с «калмыцкой азбукой» — это ксилографические доски, с которых печатали книги, в том числе содержавшие и сведения по калмыцкой (ойратской) письменности. Что касается «каменных книг», возможно, речь идет о так называемых «каменных сутрах», т. е. о религиозных текстах, выбитых на камнях. Эта традиция была характерна для монгольских народов (см., например: [Батужав 2012; Мөнхөө 2015: 4, 7]). Хранение «каменных книжек» было связано с религиозными нуждами; в них были написаны молитвы на тибетском языке. От книг в нашем понимании они были далеки.

4. Обучение грамоте у представителей разных сословий калмыков

Перейдем к рассмотрению грамотности у представителей различных сословий. Начнем с самого известного деятеля калмыцкой истории конца XVII — первой четверти XVIII в. — хана Аюки. Прямых свидетельств о знании или хотя бы о понимании Аюкой русской грамоты или речи в архивных источниках нет. Во время шертования 24 января 1684 г. Аюка вместо подписи приложил печать, потому что, по свидетельству статейного списка, «грамоте не умеет» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 7. Л. 101]. Шертовавший вместе с ним дербетский Солом-Серен расписался [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1(1). 1684. Д. 7. Л. 96]. Трудно поверить, что Аюка, в детские годы воспитывавшийся в Джунгарии у деда по матери, мог быть неграмотен. П. А. Аваков и Б. Л. Митруев, затронувшие данную проблему, приходят к выводу: «Вопрос о (не)грамотности Аюки нуждается в дополнительном изучении. Возможно, в данном случае речь должна идти не о неспособности писать и читать, а лишь о недостаточно развитых навыках письма» [Аваков, Митруев 2023: 147]. Вполне вероятно, что документы, в которых говорится об изучении письменности ханом Аюкой, просто пока не обнаружены.

Бесспорно, хорошо грамотным был Дондук-Омбо. 22 октября 1735 г. он давал присягу на верность, когда его вызвали из Кубани и назначили наместни-

¹ Н. Нефедьев имел в виду слово *самбр* «доска».

ком ханства. Во время официальной церемонии «Дондук-Омбо взял бумагу с текстом присяги, сначала прочитал сам про себя, а затем призвал первого своего зайсанга Норбо Череня и приказал ему» прочитать текст вслух всем [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 77. Л. 394об.]. 30 августа 1736 г. тогдашний руководитель Калмыцких дел В. П. Беклемишев встретился для обсуждения текущих дел с Дондук-Даши севернее Астрахани в урочище Балчуге. Устроившись с ним в его кибитке, В. П. Беклемишев передал Дондук-Даши грамоту Анны Ивановны, письма А. И. Остермана и хана Церен-Дондука. И дальше в документе говорится, что, прочитав, Дондук-Даши сказал, что он по воле ее императорского величества «служить готов и войск избирать велит» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 78. Л. 67]. Остается неясным, дал ли Дондук-Даши ответ, прочитав только калмыцкое письмо Церен-Дондука, или же прочитал и письма А. И. Остермана (т. е. знали ли он и русскую грамоту). От октября 1738 г. дошло известие, что сын Доржи Назарова Бай сам читал посланное к нему письмо на калмыцком языке от П. Ф. Кольцова [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 110. Л. 938].

Грамотными были если не все, то подавляющее большинство калмыцких должностных лиц. В первую очередь грамотными были все наместники и ханы, бывшие после Аюки. Грамотными были зайсанги, которые были в городах для посредничества в отношениях калмыков с соседним российским населением. Например, Дондук-Омбо писал П. Ф. Кольцову 5 сентября 1739 г.: «Имеющийся при Астрахани мой дарга мне пишет, что в Астрахань на базар наши люди пригоняют скот и привозят всякую рухлядь, табак и рыбу» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 114. Л. 162].

Показательным является документ, в составлении которого на двух языках принимал участие калмыцкий бодокчей: четыре калмыка нанялись в астраханские казенные сады на разные работы, в том числе грузить расшивы (плавучее средство) рыбой и идти с ними вверх по городам. Хлеб и харч были хозяйские, сверх этого им полагалась выплата по 14 рублей деньгами. Нанялись с 14 февраля 1761 г. по то время, как лед станет, а если лед не станет, то до Николина дня. Порукой за них выступил бодокчей Генден Раши. Составили письменный договор на калмыцком и русском языках [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 335. Л. 1]. Подобные договоры регистрировались в Астраханской калмыцких и татарских дел конторе.

В XVIII в., особенно во второй его половине, вошло в практику составление письменных долговых записок в отношениях калмыков с соседним российским населением. Также письменно оформлялись договоры калмыков с купцами и другими работодателями о подряде на ловлю рыбы с перечислением условий найма, о займе денег и т. п. Так, 7 января 1764 г. зайсанги владения икицохуровского нойона Асархо (с перечислением имен) взяли в долг у прапорщика Саввы Везелева, служившего «у Калмыцких дел», 84 рубля, которые должны были вернуть 7 января 1765 г. Если же до этого срока не отдадут, то обязаны были заплатить вдвойне. И таких писем Савва Везелев предъявил руководителю Калмыцких дел А. Д. Бехтееву одиннадцать [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 352. Л. 12].

Надо отметить, что не все зайсанги были грамотными. Так, в 1733 г. при присяге (во время которой помещали статуэтку бурхана на голову, ставили подпись и прилагали печать к письменному тексту присяги) «вместо зайсангов за

неумением грамоте сам вышеписанной Лубжа подписался». То же за зайсангов, не знавших грамоты, сделал брат Лубжи — Бай [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 62. Л. 32об.].

Особо надо остановиться на том обстоятельстве, что в XVIII в. грамотными нередко были и женщины-калмычки. В 1723 г. ханша Дарма-Бала, получив правительственное послание, «роспечатав пакет, прочла приложенную копию на калмыцком языке и велела ему [майору В. П. Беклемишеву. — М. Б.] честь грамоту [оригинал на русском языке. — М. Б.], которую слушала чрез перевод царицынского дворянина Якова Татаринова» [АВПРИ. Ф. 119. 1723. № 6. Л. 205].

Жена нойона Бамбара (внука Доржи Назарова) Радна писала В. Н. Татищеву: «Имею я нужду, чтоб мне одной с вами видится, того ради благоволите по меня прислать Гаврилу, и об оном никому ис калмык объявлять не изволите» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 174. Л. 284]. Младшая сестра зайсанга, Цой Лоузанг гецюля — Джулжин передавала брату известие, что наместник Убаши со своим ближайшим окружением решили бежать из России. Копию этого письма, которое написала бодокчею при Астрахани Гельдеева дочь, бывшая замужем за выходцем из Джунгарии, Н. А. Бекетов отправил И. А. Кишенскому [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 418. Л. 23].

До нас дошли последние письма Манидары, жены наместника Убаши, и ханши Найджитун, вдовы Дондук-Даши, которые были даны ими посланцам, отправленным отогнать остающихся на нагорной стороне Волги калмыков на луговую сторону во время начавшейся откочевки калмыков 1771 г. Эти посланцы были задержаны Яндыком и отправлены 11 февраля 1771 г. к И. А. Кишенскому, т. е. переданы русским властям. К этому времени уходящие были уже далеко [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 427. Л. 80]. У оставшихся на Волге калмыков в целом жизнь протекала в прежнем ключе, в том числе в области развития грамотности. Здесь изменения шли медленно.

5. Заключение

Рассмотренный выше архивный материал позволяет сделать некоторые выводы. Грамотность в калмыцком обществе не была какой-то особой редкостью. Разумеется, в первую очередь грамотными были представители нойоно-зайсангской среды. Пожалуй, нойоны были чуть ли не поголовно грамотными, в том числе и их жены.

У зайсангов процент грамотных был достаточно высоким. Конкретную цифру назвать невозможно. По косвенным данным можно считать, что процент этот был высоким, если не больше; среди них были и женщины, но численность грамотных женщин была небольшой. О простолюдинах никаких конкретных данных не имеется. Твердо можно сказать, что количество грамотных среди них было небольшим.

Нет никаких конкретных сведений о существовании в XVIII в. каких-либо светских учебных заведений типа школ. В архивных материалах ни разу не встретилось упоминаний о существовании в каждом аймаке постоянных учителей. Обучение носило, судя по всему, индивидуальный характер. Чаще всего учителями были представители буддийского духовенства.

Важно отметить, что в XVIII в. обучение грамоте в целом в Калмыцком ханстве шло в двух направлениях. Представители калмыков обучались русскому

языку, а русские — калмыцкому. Обучение это шло по инициативе российского правительства (нужны были переводчики, толмачи и т. п.) и стихийно, в процессе бытового общения между представителями соседних народов.

Источники

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

РГАДА — Российский государственный архив дневных актов.

Sources

Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire.

Russian State Archive of Ancient Acts.

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Литература

Аваков, Митруев 2023 — *Аваков П. А., Митруев Б. Л.* Первая печать тайши Аюки (1684 г.) // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 1. С. 144–152. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-144-152

Батужав 2012 — *Батужав До.* «Каменные сутры» Синьцзяна // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Oriental Studies)*. 2012. № 4. С. 133–138.

Баянова 2012 — *Баянова А. Т.* Первые калмыцкие буквари как источники духовной культуры калмыков // *Вестник Калмыцкого университета*. 2012. № 3(15). С. 50–55.

Георги 1799 — *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. IV. О народах монгольских. СПб.: Имп. Акад. наук, 1799. 385 с.

Дуброва 1998 — *Дуброва Я. П.* Быт калмыков Ставропольской губернии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 181 с.

Мөнхөө 2015 — *Мөнхөө Ч.* Баатар хун тайж. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2015. 154 х.

Нефедьев 1834 — *Нефедьев Н. А.* Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым. СПб.: Тип. К. Крайя, 1834. 290 с.

References

Avakov P. A., Mitruiev B. L. The first Seal of Taishi Ayuka (1684) // *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 1. Pp. 144–152. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-144-152 (In Russ.)

Batuzhav Do. The Stone Sutrass of Xinjiang // *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2012. No.4. Pp. 133–138. (In Russ.)

Bayanova A. T. The first Kalmyk ABC Books as Sources of Spiritual Culture of the Kalmyks // *Bulletin of Kalmyk University*. 2012. No. 3 (15). Pp. 50–55. (In Russ.)

Georgi I.G. Description of all the Peoples Living in the Russian State and their Everyday Rituals, Customs, Clothes, Dwellings, Religions and other Memorabilia. On Mongolian Peoples Ch. IV. St. Petersburg: Acad. of Science, 1799. 385 p. (In Russ.)

Dubrova Ya. P. The life of the Kalmyks of Stavropol province. Elista: Kalmykia Book Publ., 1998. 181 p. (In Russ.)

Monkhoo Ch. Batur khong taiji. Ulaanbaatar: Soyombo printing, 2015. 154 p. (In Mong.)

Nefed'ev N.A. Detailed Information about the Volga Kalmyks Collected on the Spot by N. Nefed'ev. St. Petersburg: Tip. K. Kraya, 1834. 290 p. (In Russ.)